
ДАРЬЯ ЛЮСЬЕН
ГРОЗА
КАРИБСКОГО МОРЯ

Дарья Люсьен

Гроза Карибского моря

«Литнет»
2026

Люсьен Д.

Гроза Карибского моря / Д. Люсьен — «Литнет», 2026

Я переговорщик ФБР. Моя работа - убеждать вооружённых людей сделать то, что мне нужно. Умерла при исполнении. Обидно.Очнулась на Карибском море, 1683 год, посреди абордажа. В первые двадцать минут получила корабль. Не потому, что лучше всех дерусь. Потому, что умею разговаривать.На Карибах это называют ведьмовством. Меня называют Ла Бруха. Испанская корона хочет меня уничтожить. Губернатор хочет меня использовать. Корсар Диего де Альба - единственный, кто понимает, как именно я работаю.Это делает его самым опасным человеком на этом море.

© Люсьен Д., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Операция 5
Глава 2. Первые переговоры 10
Глава 3. Первый манёвр 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Глава 1. Операция

На четвёртом часу переговоров Дэниел Рурк попросил воды, и я поняла, что мы его вытащим. Кто собрался умирать, тому обычно уже всё равно, пересохло у него в горле или нет, а Рурк о жажде вспомнил и даже извинился за то, что хрипит в трубку.

Август плавил асфальт на стоянке у марины Диннер-Ки. Я стояла за бронированным фургоном, в тридцати метрах от конторы чартерной компании «Блю Меридиан», и рубашка прилипла к спине ещё в первый час. За конторой покачивались яхты, фалы звякали о мачты, и этот звон лез в разговор, как помеха на линии. В левом ухе у меня был Рурк, в правом, в наушнике, дышал командир группы захвата Холлис.

— Дэниел, воду вам принесут, — сказала я. — Поставят у двери и отойдут. Когда её забрать, решите сами.

— Никого в форме, — ответил он. — Увижу каску, и Прайсу конец.

Уолтер Прайс, оценщик из банка, сидел у него под стволом с половины первого. В понедельник банк забрал у Рурка катер, на котором тот двадцать лет возил туристов к рифам, а в пятницу Прайс приехал описывать остальное. Рурк встретил его с отцовским револьвером. Всё это я знала уже наизусть, вместе с именем его дочери и названием катера, потому что четыре часа он рассказывал, а я слушала и изредка возвращала ему его же слова, чуть причёсанные.

Катер назывался «Мэри Эллен», в честь его матери. Про катер он говорил дольше, чем про дочь, и я не перебивала. За десять лет в переговорной группе я усвоила, что заложников редко берут из-за главного, обычно берут из-за того, о чём не стыдно кричать, а до главного приходится докапываться по часу на слой. Мой бывший муж уверял, что дома я разговариваю так же, и на шестой год подал на развод. Возразить мне было нечего.

— Похоже, за последний год вас впервые кто-то дослушал до конца, — сказала я.

В трубке зашуршало, потом он коротко рассмеялся. Смех вышел усталый, и это тоже работало на нас: уставший человек хочет, чтобы всё закончилось, и ему уже не так важно, чем именно.

— Морган, — сказал Холлис в наушнике, — снайпер на крыше яхт-клуба, окно видит. Подойдёт к двери за водой, и у нас две секунды.

Я прикрыла микрофон телефона ладонью и ответила, что две секунды мне ни к чему, мне нужно ещё двадцать минут. Холлис промолчал. Он давно привык, что мои двадцать минут обходятся бюро дешевле его двух секунд, хотя вслух этого не признал ни разу.

Воду Рурк забрал сам, и никто не выстрелил. Пил он долго, я слышала каждый глоток, а когда заговорил снова, голос у него сел до шёпота. Он сказал, что отпустит Прайса. Условие поставил одно: за Прайсом приду я, без жилета и с пустыми руками, чтобы он наконец увидел, с кем разговаривал полдня.

— Нет, — сказал Холлис раньше, чем я открыла рот.

Следом в канале прозвучал другой голос, ровный, немолодой, и произнёс всего два слова: «Пусть идёт». Холлис замолчал. Я решила, что вмешался кто-то из руководства, и мысленно его поблагодарила. Жилет я сняла и положила на капот фургона. Рурк четыре часа отдавал мне свою жизнь по куску и теперь хотел увидеть лицо того, кто её принял. Откажи я, и мы вернулись бы к половине первого, только с человеком, которого обманули ещё раз. Пистолет я отдала технику, жетон остался в заднем кармане брюк.

Пока техник возился с моей кобурой, я смотрела на воду за конторой. Бискейнский залив лежал плоский, белёсый от жары, у дальнего пирса разворачивалась чья-то яхта под одним парусом, и человек на ней понятия не имел, что в трёхстах метрах от него решается, доживёт ли оценщик Прайс до ужина. Мне всегда нравилось это в нашей работе. Мир за оцеплением

продолжает заниматься своими делами, и твоя задача сводится к тому, чтобы он так ничего и не заметил.

Стоянку я пересекала медленно, разведя руки, и горячий воздух над асфальтом дрожал так, что контора плыла перед глазами. Дверь открылась, когда до неё оставалось шагов десять. Первым вышел Прайс, серый, в мокрой насквозь рубашке, и побрёл мимо меня к фургону, не поднимая головы. Рурк остался в проёме, и револьвер у него смотрел стволом в пол.

— Вы ниже, чем я думал, — сказал он.

— Мне это часто говорят, — ответила я. — Обычно сразу после слов «вы арестованы», так что вам с порядком ещё повезло.

Он почти улыбнулся. Плечи у него опустились, пальцы на рукояти разжались, и я уже подбирала следующую фразу, когда в правом ухе пропало дыхание Холлиса. Канал умер целиком, без щелчка и без шипения, чего на моей памяти не случалось ни разу. Рурк поднял глаза и посмотрел мимо меня, куда-то поверх моего плеча, и лицо у него стало удивлённое.

Его рука с револьвером так и не шевельнулась. Выстрел я услышала, удар почувствовала, а связать одно с другим не успела, потому что стоянка, звон фалов и белое небо над мариной погасли разом.

Первым вернулся запах. Пахло солью, прелым листом и пороховой гарью, причём гарь была неправильная, кислая, с серой, как от дешёвых фейерверков на Четвёртое июля.

Звуки пришли позже и все оказались чужие. Вместо шоссе и сирен где-то рядом орала птица, поскрипывало дерево, а снизу долетали удары железа о железо и человеческие голоса.

Потом я почувствовала кору под щекой. Я лежала на животе в развилке толстой ветви, руки свисали по обе её стороны, а далеко внизу блестела вода того бирюзового цвета, который в Майами печатают на открытках и никогда не показывают живьём.

Тело слушалось, я проверила его от пальцев до шеи, как учили на курсах тактической медицины. Ничего не болело. Рубашка между лопатками стояла колом и царапала кожу, так засыхает кровь, когда её много, но под тканью, насколько я смогла дотянуться, всё было цело и гладко. Разбираться с этим я не стала, потому что внизу кричали люди.

Дерево росло на уступе известняковой скалы и всей кроной нависало над узкой бухтой. Ствол у него был в три обхвата, серый, утыканный короткими шипами, с ветвей свисали плети лиан толщиной в мою руку. Бухта врезалась в берег длинным языком, по обоим её краям стояли мангры на высоких корнях, и вода под ними темнела до цвета бутылочного стекла. Над зарослями кружили чёрные птицы с вильчатыми хвостами. Солнце жгло затылок сквозь листву, а воздух был такой влажный, что его хотелось отжать.

Выход из бухты открывался по правую руку: тесный проход между двумя мысами, за ним белая полоса бурунов на рифе и дальше море, тёмно-синее и пустое до самого горизонта. По левую руку берег поднимался холмами, сплошь заросшими лесом, без единой крыши, дороги или вышки сотовой связи. Вышку я искала долго. Во Флориде нет такого места, откуда не видно хотя бы одной.

Прямо подо мной, почти вплотную к скале, стоял корабль. Я выросла у воды и повидала всякое, от круизных лайнеров до кубинских плотов из автомобильных камер, но это было судно с картинки в учебнике: три мачты, высокая резная корма в облезлой позолоте, кормовой фонарь величиной с телефонную будку. Паруса висели подобранные, на якорном канате сохла тина. На корме вяло шевелился белый флаг с красным косым крестом из двух сучковатых палок, какого я не встречала ни в одном справочнике.

К борту большого корабля прицепился второй, вдвое ниже, с двумя мачтами, завалеными назад. Между бортами тянулись верёвки с железными крючьями. Дым стоял над обеими палубами и никуда не уходил, потому что ветра в бухте не было совсем.

На песчаной косе у дальнего края бухты лежала вытащенная из воды лодка, возле неё стояли бочки, и рядом с бочками ничком лежали двое. Большой корабль, судя по всему, зашёл

сюда за пресной водой. Те, кто пришёл на низком, знали это место лучше и дождались за мысом, пока часть команды съедет на берег.

На большом корабле убивали. Сначала я приняла это за съёмки или за реконструкцию, какие устраивают для туристов в Сент-Огастине, с бутафорскими саблями и клюквенным сиропом. Потом человек в кожаной безрукавке вогнал клинок другому под рёбра, и тот сел на палубу, обхватив живот обеими руками. Так не садится ни один каскадёр. Я видела, как умирают от ранения в живот, и перепутать это с игрой нельзя, даже с высоты пятого этажа.

Объяснений у меня набралось немного. Либо я лежу в реанимации «Джексон Мемориал», и мозг напоследок крутит мне кино из школьной программы, либо всё это происходит на самом деле, каким бы образом я сюда ни попала. Проверить было нечем. Зато протокол в обоих случаях выходил одинаковый: наблюдать, считать и не дёргаться раньше времени. Если это бред умирающей, я ничего не потеряю, а если нет, то выиграю несколько минут, которые здесь явно стоили дорого.

Наушник всё ещё сидел в правом ухе, немой. Я вынула его и сунула в карман к жетону. Часы на запястье показывали шестнадцать сорок две и стояли, хотя здешнее солнце висело заметно выше, чем полагалось в этот час.

Бой внизу кончался. Нападавших было человек двадцать, оборванных и быстрых, и орали они по-английски, с таким выговором, какой я слышала только в исторических сериалах, причём половину ругательств понимала по одной интонации. Защитники кричали по-испански. Испанский я знаю с детства, в Майами без него не закажешь и кофе, но этот звучал так, как звучала бы бабушка моего напарника Рамиреса, возьмись она читать вслух Сервантеса.

Оружие у защитников отобрали быстро. Их согнали к средней мачте и поставили на колени, десятка три мужчин в полотняных рубахах, многие в крови, своей или чужой. Отдельно, у самого борта, двое нападавших держали за локти человека в чёрном, с серебряной цепью на груди. Перед ним прохаживался рыжий в выгоревшем синем кафтане с чужими кружевами на рукавах, длинный, сутулый, с саблей в опущенной руке.

Слов я сверху не разбирала, но разбирать их и не требовалось. Рыжий спросил. Человек с цепью мотнул головой. Рыжий, не меняясь в лице, ткнул саблей в сторону ближнего матроса, и того зарубили на месте, прежде чем он успел поднять руки. После этого рыжий задал свой вопрос ещё раз, тем же ровным тоном.

Палуба молчала. Мангры стояли неподвижно, птицы всё так же ходили кругами в белом от зноя небе, и вода у скалы плескала лениво, по-курортному. Бухта была из тех, куда в моём времени возят молодожёнов на катамаранах, и от этого происходящее внизу делалось только хуже.

Эту схему я знала лучше, чем дорогу от дома до офиса. Группа заложников, захватчик с требованием и отсчёт по одному телу за каждый отказ. Декорации сменились, механика осталась прежней, той самой, с которой я работала десять лет. Не хватало только Холлиса, фургона и телефона.

Человек с цепью снова мотнул головой, и я успела подумать, что упрямство у него от гордости, а гордость в таких разговорах обходится дороже всего и платят за неё чужие люди. Додумать не дали. С кормы низкого корабля кто-то заорал и вытянул руку вверх, прямо на меня. Белая рубашка в зелёной кроне, конечно. С маскировкой у переговорщиков всегда было хуже, чем с разговорами.

Кричавший вскинул длинное ружьё. Я вжалась в ветку, грохнуло, над бортом вспухло облако дыма, и пуля выбила щепу из сука в полутора метрах над моей головой. После этого стрелок упёр ружьё прикладом в палубу и принялся его заряжать: сыпал в ствол порох из рожка и долго орудовал шомполом. Я досчитала до двадцати пяти, а он всё ещё не закончил.

Вывод получился утешительный. У этих людей один выстрел в полминуты и точность, с какой в Куантико не пускают даже на учебное стрельбище. Вывод неутешительный шёл следом: в следующий раз стрелять будут трое или четверо разом, и кому-нибудь из них повезёт.

Оставаться на дереве значило либо дождаться этого залпа, либо уползти по стволу на скалу и дальше в заросли, без воды, без оружия и без малейшего понятия, на каком я берегу. Туда за мной рано или поздно пришли бы, и разговаривать пришлось бы уже с теми, кто за мной гнался по жаре. Внизу же шла единственная работа, которую я умею делать хорошо, и на этой работе прямо сейчас убивали людей по одному.

Ветка, на которой я лежала, тянулась дальше и нависала над кормой большого корабля. Я поползла по ней, обдирая ладони о кору, и листья сыпались вниз, на резных деревянных святых и на позолоту. Ветка гнулась всё сильнее. Там, где она стала толщиной с запястье, я повисла на руках, посмотрела под ноги и разжала пальцы.

Лететь пришлось метра три. Приземлилась я на верхнюю кормовую палубу, как положено, на полусогнутые, но левая подошва поехала по мокрому, и я упала на бок, приложившись локтем о доски. Инструктор по физподготовке поставил бы мне за этот прыжок тройку и был бы щедр.

Доски оказались горячие и липкие. В двух шагах от меня, привалившись к перилам, сидел мёртвый мужчина в стёганой куртке, с открытым ртом, и мухи уже нашли его. Рядом валялся пистолет.

Я его подняла. Весил он как небольшой молоток, ствол был длиной в моё предплечье, а сбоку торчала железная загогулина с зажатым в ней камешком. Из служебного «глока» я выбиваю норматив почти не глядя. Эту вещь я держала, как школьница держит дохлую крысу, и не могла сказать даже того, заряжена она или из неё уже выстрелили. Пистолет я положила обратно на доски. Оружие, которым не умеешь пользоваться, даёт только одно: повод тому, кто умеет.

Страшно мне было, и я отметила это так же, как отметила бы пульс у пострадавшего: частит, ладони холодные, во рту сухо. Страх в моей профессии считается рабочим материалом. Пока он есть, ты внимателен, а голос ставят отдельно, на тренировках, чтобы он не выдавал всего остального.

С кормы была видна вся средняя палуба, и меня с неё тоже увидели. Крики смолкали волной, от ближних к дальним, пока не стало слышно, как скрипят канаты между бортами и плещет вода у скалы. Я встала у перил, держа руки на виду, и дала себе несколько секунд на то, ради чего вообще стоит открывать глаза перед разговором.

Оперативная обстановка: неизвестный период, неизвестная локация, двадцать вооружённых человек, ни одного союзника. Стандартная пятница.

Рыжий был здесь главным, это подтвердилось сразу: на меня посмотрели все, а потом все посмотрели на него. Справа от рыжего держался коренастый человек с обрубком вместо левого уха, и следил он за руками своего капитана, как сторожевая собака следит за хозяином. Пленные его не занимали. Четверо у открытого люка стояли к рыжему вполоборота и косились в темноту трюма. Этих держало на палубе только обещание добычи, и терпение у них было на исходе. Мой личный знакомый, стрелок с низкого корабля, перебрался через борт и торопливо досыпал порох на полку ружья.

Потом я прошлась взглядом по тем, кто стоял на коленях. Человек с серебряной цепью глядел на меня с ужасом и крестился. Матросы не смотрели на него вовсе. Они косились на светловолосого великана в третьем ряду, который и на коленях был выше соседей на голову. Сам великан изучал ближайшего к нему пирата, спокойно и внимательно, как изучают забор, через который собираются лезть. Сабля рыжего его не интересовала. Я запомнила это лицо: в любой толпе есть тот, по кому остальные сверяют, бояться им или ещё рано, и здесь это был он.

Вниз вела крутая лестница без перил. Я спускалась по ней лицом к палубе, с разведёнными руками, тем же шагом, каким недавно шла через стоянку у марины. «Недавно» означало час назад или несколько веков вперёд, смотря откуда считать, и выяснять это я решила позже. Солнце било в глаза, над палубой стоял запах крови и смолы, доски под ботинками чавкали.

Вдоль бортов тянулись пушки на деревянных станках, чёрные, в потёках ржавчины, и большая их часть так и осталась привязанной. Корабль застали врасплох, выстрелить успели немногие. Между пушками лежали те, кому уже ничего не было нужно, и я обходила их, не опуская глаз ниже, чем требовалось, чтобы не споткнуться.

Пираты расступались. Один, совсем мальчишка, попятился и налетел спиной на бочку. Другой сплюнул через плечо и пробормотал про женщину, которая падает с деревьев, и про то, что добра от такой не жди. Меня разглядывали целиком, от ботинок до хвоста на затылке, и дольше всего смотрели на брюки. Стрелок поднял ружьё и опустил, потому что между ним и мной оказались его же товарищи. У мачты кто-то из стоявших на коленях выдохнул короткое испанское слово, и его я поняла без труда: bruja, ведьма. Оспаривать определение было некогда.

До рыжего оставалось шагов восемь, когда я остановилась. Вблизи я дала бы ему лет сорок: лицо сожжено солнцем до кирпичного цвета, веки воспалённые, а глаза под ними умные, что упрощало дело. С глупым захватчиком работать тяжелее: он не понимает собственной выгоды, и показывать её приходится долго.

— Капитан, — сказала я по-английски, громко, чтобы слышала вся палуба. — Вы теряете деньги. Мне сверху было хорошо видно, где именно.

Фраза была выбрана под него. Человеку, который только что взял корабль, нельзя говорить «остановитесь» или «пощадите», потому что на глазах у своей команды он обязан сделать наоборот. Ему можно сказать про деньги. Деньги на этой палубе интересовали всех, и четверо у люка повернули головы раньше, чем их капитан.

Рыжий пошёл ко мне. Одноухий двинулся следом, отстав на шаг, и рука у него лежала на рукояти ножа. Саблю рыжий поднял без спешки, красиво, для зрителей, и остриё упёрлось мне под челюсть, в ямку над горлом. Сталь нагрелась на солнце и пахла железом и чужой кровью.

— Назови себя, — сказал он. — И назови причину, по которой я не вскрою тебе глотку прямо сейчас.

Он спросил, и этого мне хватило. Тот, кто решил убить, вопросов не задаёт, он убивает, как убил матроса минуту назад, одним движением руки и без единого слова. Рыжему хотелось знать, что я видела сверху. Ещё сильнее ему хотелось, чтобы два десятка его людей видели: капитан не боится женщины, упавшей с неба, и сам решит, жить ей или нет. И на то, и на другое у меня было что предложить.

Я улыбнулась.

Глава 2. Первые переговоры

Улыбка в переговорах работает как пауза, только обходится дешевле. Человек с оружием ждёт от тебя страха или злости, на оба случая у него заготовлен ответ, а на улыбку ответа нет, и ему приходится думать заново.

Рыжий думал. Остриё у моего горла не дрогнуло, зато взгляд его на секунду ушёл в сторону, к выходу из бухты, где за двумя мысами белел риф. Потом он покосился на мачту низкого корабля, на верхушке которой сидел человек и глядел в море. Я сложила эти два взгляда и получила первую полезную вещь за день: капитан кого-то ждёт, и ждёт без радости.

— Кейт Морган, — проговорила я. — Причину назову, когда уберёте железо. С саблей у горла я говорю хуже, а вам сейчас нужно, чтобы я говорила хорошо.

По палубе прошёл шум, которого я не ожидала. Моё имя повторили в нескольких местах вполголоса, и мальчишка у бочки опять попятился. Одноухий наклонился к капитану и что-то буркнул, я разобрала только «сэр Генри».

— Морган, — сказал рыжий. — Старому Гарри с Ямайки ты кто?

Единственный Морган в этих широтах, о котором я знала, был нарисован на бутылке рома. Здешний, судя по лицам, был фигурой покрупнее, и на этой палубе его либо уважали, либо боялись, что в их ремесле почти одно и то же. Врать про родство я не стала.

— Спросите у него при встрече, — ответила я. — Мне самой интересно, что он скажет.

Саблю рыжий не опустил, но отвёл на ладонь, и дышать стало проще. Одноухий за его плечом скривился, ему этот разговор нравился всё меньше.

— Причину, — напомнил рыжий.

— Вы режете матросов, чтобы человек в чёрном сказал, где казна, — произнесла я громко, на всю палубу. — Он не скажет. Он уже похоронил этих людей у себя в голове, заодно с собой, и теперь ему легко. А серебро тем временем висит на волоске и вот-вот уйдёт на дно бухты. Я видела, где оно. Сверху хорошо видно.

Четверо у люка забыли про трюм. Ради них я и повышала голос. Пока о серебре знал один капитан, меня можно было зарубить по настроению, а теперь о нём знали двадцать человек, у каждого в этом сундуке лежала доля, и моя голова подорожала ровно в двадцать раз.

— Отдай её мне, Эйбел, — сказал одноухий. — Через четверть часа она выложит и про серебро, и про родную мать.

Отвечать ему я не стала, я смотрела на капитана. Одноухий на этой палубе ничего не решал, а разговор с тем, кто не решает, только поднимает его в цене.

— Можно и так, — сказала я рыжему. — Только четверть часа растянется на час, я упрямее, чем выгляжу. А ваш человек на мачте глядит в море так, что часа у вас, по-моему, нет. Сколько у вас времени, капитан?

Он промолчал и переложил саблю из правой руки в левую. Этого ответа мне хватило.

Никакой магии тут нет. Есть анализ: что ему нужно, что он боится потерять и какой выход он считает своим. Этот выход ему и надо дать.

Нужны ему были деньги и открытое море за кормой раньше, чем появится тот, кого высматривали с мачты. Боялся он двух вещей: застрять в этой бухте, как муха в бутылке, и показаться слабым собственной команде. Значит, выход, который он сочтёт своим, должен был оставить за ним и серебро, и последнее слово. Последнее слово я готова была отдать с доплатой.

— Что вы собирались делать с кораблём? — спросила я.

— Сжечь, — ответил он. — Испанцу он больше не понадобится.

— Дым над этим лесом встанет столбом, — сказала я. — Тот, кого вы ждёте, увидит его раньше, чем вашу мачту.

Про ожидаемого гостя я не знала ничего, кроме того, что он есть. Рыжий дёрнул углом рта, и я поняла, что попала. Мальчишка у бочки перекрестился. Со стороны это, наверное, и правда выглядело скверно: женщина падает с дерева и сообщает капитану то, о чём он не говорил вслух.

— А увести его с собой? — спросила я.

Рыжий хмыкнул и объяснил, терпеливо, чуть не по складам. Этому корыту нужно тридцать пар рук и неделя хода до Тортуги, а у него после сегодняшнего осталось девятнадцать человек, из них трое порезаны. Разделить команду на два борта значило ослабить оба. Он говорил, и с каждой фразой голос его делался скучнее.

Я молчала и давала ему дослушать самого себя. Лучшие доводы в переговорах произносит другая сторона, от меня требуется задать вопрос и потом не мешать.

— А эти? — Я кивнула на людей у мачты.

— За борт, — подал голос одноухий.

— Тридцать человек, которые поймут, что режут всех, с колен встанут, — сказала я, по-прежнему глядя на капитана. — Вон тот светлый, в третьем ряду, уже выбрал, кому из ваших первому свернёт шею, и выбрал с умом. Вы их перебьёте, я не спорю. Положите пятерых своих, сожжёте порох, потеряете час. За что из этого вам заплатят?

Рыжий посмотрел на великана. Великан глаз не опустил, и на лице у него держалось всё то же спокойное внимание человека, прикидывающего высоту забора. Несколько пиратов, стоявших к нему ближе других, отодвинулись на полшага и сами этого не заметили.

Солнце перевалило через мачты и светило теперь с моря. Тени от снастей лежали на палубе косой решёткой, и по этой решётке ползла тёмная лужа от зарубленного матроса. Где-то за бортом плеснула рыба. Я стояла, слушала скрип канатов и ждала вопроса, который рыжий обязан был задать сам.

— Чего ты хочешь, женщина? — спросил он.

— Корабль и людей, — произнесла я. — Вы забираете серебро и всё, что ваши успеют перенести, и уходите. Я остаюсь здесь, с этим корытом и с ними.

Засмеялись многие, одноухий громче всех. Рыжий не смеялся, он считал, и я не торопила его со счётом.

— И на что бабе галеон? — спросил он наконец.

— Это моя забота. Ваша выгода в другом. Когда сюда придут испанцы, они найдут свой корабль целым, а на нём чужую женщину, которая свалилась с неба. Кого они после этого станут искать по всему морю, вас или меня?

Он понял сразу, я видела это по тому, как расслабилась рука на эфесе. Сожжённый корабль и тридцать утопленников означали охоту лично на него. Целый корабль в руках у ведьмы означал историю, которую будут пересказывать в портах, и капитану Эйбелу в этой истории достанется одна строчка в самом начале. Для человека, которому хочется дожить до старости при деньгах, сделка выходила хорошая.

— Сама-то ты испанцев, выходит, не боишься, — сказал он.

— Боюсь, — ответила я. — Только мне с ними разговаривать, а вам от них бегать. У каждого своё ремесло.

Теперь засмеялись уже над этим, и рыжий усмехнулся вместе со всеми. Смех на палубе был мне на руку: тех, с кем смеются заодно, рубят неохотно.

— Сначала серебро, — потребовал он.

— Сначала сабля в ножны и человек в чёрном обратно к мачте, живой, — сказала я. — Больше никого не трогают. После этого я показываю. Если я соврала, то я по-прежнему стою на вашей палубе, а ваш друг получит свою четверть часа.

Торг он оценил. Риска для него в таком порядке не было никакого, сундук либо находился, либо нет, а я никуда не девалась. Он вложил саблю в ножны, махнул двоим, державшим пленника, и повернулся к команде.

— Слушать всем! — крикнул он. — Берём казну, вино и порох. На всё одна склянка, потом рубим концы. Корыто оставляем ведьме, пусть доны гоняются за ней!

Команда заорала с облегчением. Что такое склянка, я не знала, но по тому, как забегали люди, поняла, что это недолго. Рыжий сказал мои условия своими словами, как собственную удачную выдумку, и я не поправила в них ни звука.

— Порох пополам, — сказала я ему уже негромко. — Корабль без пороха испанцы возьмут без шума, и сказка про ведьму кончится завтра. Вам нужна сказка подлиннее.

— Пополам, — согласился он и прищурился. — Показывай.

Я показала. Сундук висел на верёвке под кормой, у самой воды, спущенный из окна каюты и прикрытый резным выступом. С палубы его было не разглядеть, с лодки тоже, если не знать, куда смотреть. Я увидела его, когда болталась на ветке и глядела себе под ноги перед прыжком. Тогда я не поняла, что это, а поняла минутой позже, на кормовой палубе, сложив верёвку, окно и упрямство человека с цепью.

Двое пиратов вышибли дверь каюты и вытянули сундук через окно, а вместе с ним выволокли на свет тощего человека в очках с верёвочкой вместо дужки. Он и спускал казну, пока наверху дрались, и всё это время просидел под столом. Замок сбили обухом топора. Внутри лежало серебро, кривые рубленые монеты без ободка, похожие на обломки, и было их столько, что палуба взвыла.

Одноухий взял тощего за шиворот и потащил к борту. Тот не упирался, только придерживал очки.

— Он входит в сделку, — бросила я им вслед. — Люди мои, все до одного.

Рыжий глянул на сундук, потом на меня и махнул рукой. Одноухий разжал пальцы с таким лицом, что я поняла: этого человека лучше больше не встречать, а если встретить, то с пистолетом, из которого я к тому времени научусь стрелять.

Грабили они быстро и умело. Бочонки с вином катили по сходням, порох переносили бережно, в кожаных вёдрах, оружие с убитых собирали в парусину. С человека в чёрном рыжий сам снял серебряную цепь и надел себе на шею, поверх чужих кружев. Я стояла у мачты, между пиратами и пленными, и следила, чтобы никто из первых не подходил ко вторым ближе, чем на длину сабли. Никто и не подходил. Ведьму обходили по дуге.

Перед уходом рыжий остановился рядом со мной. От него пахло потом и дымом, а смотрел он уже без злости, с любопытством.

— Если ты и вправду ведьма, Морган, то мы в расчёте, и я тебя в глаза не видел, — сказал он. — А если нет, то ты самая наглая баба от Тортуги до Картахены и до воскресенья не доживёшь.

— До воскресенья я успею выбрать, что мне больше нравится, — ответила я.

Он коснулся двумя пальцами шляпы и перелез через борт. Крючья сбросили, верёвки втянули, и низкий корабль отвалил от нашего бока, оставив на досках длинные свежие царапины. Ветра в бухте по-прежнему не было. Пираты выставили с обоих бортов длинные вёсла и пошли к проходу между мысами, и рыжая голова на корме ни разу не обернулась.

По моим внутренним часам от сабли у горла до этой минуты прошло минут двадцать. На стоянке у марины я потратила четыре часа на одного человека с револьвером, так что день в смысле производительности складывался неплохо.

За моей спиной поднимались с колен. Я обернулась и впервые увидела этих людей стоя: тридцать мужчин, обожжённых солнцем, босых, в рубахах, заскорузлых от соли. Они растирали ноги и смотрели на меня так, как смотрят на собаку неизвестной породы, которая пока никого не укусила.

Человек в чёрном одёрнул камзол и потёр шею там, где раньше лежала цепь. Вблизи стало видно, что ему за пятьдесят: борода клином, под глазами мешки.

— Взять эту женщину, — приказал он по-испански. — В железо её и в трюм, до Санто-Доминго.

Никто не двинулся. Матросы посмотрели на светловолосого великана, а тот посмотрел на меня и чуть пожал плечом, давая понять, что торопиться ему некуда. Дон в чёрном повторил приказ громче. Ответить ему я не успела, потому что у ближней пушки застонал человек.

Матрос лежал на боку, зажав ладонями бедро, и между пальцами у него толчками выбивалась кровь, яркая, как краска. Над ним стоял старик с грязной тряпкой в одной руке и бутылью в другой и бормотал молитву. Судя по всему, это был здешний лекарь. С артериальным кровотечением молитва справляется плохо, я видела статистику.

Я опустилась рядом на колени, выдернула из брюк ремень и затянула его на бедре выше раны. Из стойки у борта торчал ряд гладких деревянных штырей, один я вытащила, просунула под ремень и стала закручивать, пока толчки под пальцами не стихли. Матрос завыл. Курс тактической медицины нам читали раз в год, и каждый раз я думала, что уж переговорщику он точно не пригодится.

— Ты, — сказала я по-испански великану. — Держи вот так и не отпускай, пока не скажу.

Он подошёл, сел на корточки и взял штырь огромной рукой, аккуратно, как берут за шею гуся. Это был первый мой приказ на этом корабле, и выполнил его тот, на кого здесь оглядывались. Остальные это видели.

Старику я велела вскипятить воду и принести чистого полотна, какое найдётся. Он уставился на меня, потом на великана, получил от него кивок и засеменил прочь. Я обошла ещё четверых раненых. Двоим хватило тугих повязок, одному я вправила плечо, уперевшись коленом ему в подмышку, четвёртому помочь было нечем, и я посидела с ним, пока он не перестал дышать. Когда я встала, руки у меня были красные по локоть, а на палубе молчали.

Говорить с ними следовало сейчас. Я вытерла ладони о рубашку, которой уже нечего было терять, и ещё раз оглядела тех, кто стоял передо мной.

Возле дона держались шестеро или семеро. Тощий в очках, священник с деревянным крестом, плотный человек с кожаным футляром под мышкой и несколько матросов постарше, одетых почище прочих. Этим было куда возвращаться, и возвращение их не пугало. Остальные стояли отдельно, пёстрой кучей, и говорили между собой на трёх языках разом. Их на этот корабль привела нужда или чужая воля, и дону в чёрном они были должны ровно столько, сколько он им платил. Посередине, с моим штырём в кулаке, сидел великан.

— Меня зовут Кейт Морган, — проговорила я по-испански. — Я не знаю вашего моря и не умею водить корабли, и врать об этом не буду. Умею я другое, вы только что видели. Час назад вас резали по одному, а сейчас вы стоите на ногах.

Испанский мой их удивил, они переглядывались на каждом слове. Наверное, для них я говорила так же странно, как они для меня, только в обратную сторону.

— Вон там, на косе, лодка и бочки с водой, — продолжала я. — Сеньор капитан свободен. Каждый, кто хочет уйти с ним, свободен тоже, я никого не держу. Вернётесь в свой порт и расскажете, как потеряли казну. Подумайте заранее, с кого за неё спросят: с капитана, у которого родня и имя, или с матросов, которые бросили оружие.

— Это бунт! — крикнул дон. — За бунт вешают, и вас повесят всех, а её сожгут! Падре, скажите им, кто она такая!

Священник поднял крест, но рука у него тряслась, и сказать он ничего не сумел. Я повернулась к дону и заговорила тише, чем прежде, чтобы ему пришлось замолчать и слушать.

— Сеньор капитан, вы храбрый человек. Вы готовы были умереть за это серебро, и никто на этой палубе не скажет иного. Лодка ваша, вода ваша, шпагу вам вернут. Вы уйдёте отсюда с честью и со своими людьми.

Ему тоже нужен был выход, и я дала единственный, какой у меня был. Загнанный в угол гордец бросается драться, а у гордеца, которому при свидетелях назвали его храбрость, появляется причина уйти, не уронив лица. Он тяжело дышал, смотрел на меня с ненавистью и молчал.

— Либо вы остаётесь, — сказала я остальным. — Груз в трюме цел. Мы его продаём и делим на всех, кто остался на борту.

— Доля какая? — спросил великан.

По-испански он говорил с тяжёлым северным выговором, медленно, пережёвывая каждое слово. Вопрос был правильный и единственно важный.

— Сколько людей нужно, чтобы довести корабль до порта, где за груз платят и ни о чём не спрашивают? — спросила я.

— Двадцать, — ответил он, подумав. — Если мало спать.

— Значит, двадцать долей и одна моя. Делить будешь ты, ты знаешь, кто здесь чего стоит. Я прослежу, чтобы никого не обошли.

Он долго смотрел на меня светлыми, почти бесцветными глазами. Я понимала, что именно он взвешивает. На одной чаше лежали жалованье, которое дон задолжал ему за полгода, и допрос в порту, где спросят, почему боцман сдал корабль. На другой была непонятная женщина, которая за двадцать минут выторговала у пиратов тридцать жизней и не взяла из сундука ни монеты.

— Мартин, — сказал он наконец. — Боцман.

Потом он повернул голову к пёстрой куче матросов и произнёс всего два слова: «Я остаюсь». Больше ничего и не понадобилось. Люди задвигались, и палуба поделилась надвое быстрее, чем я успела бы пересчитать их по головам.

С доном ушли девять человек, считая священника, тощего казначея и хозяина кожаного футляра. Шпагу капитану вернули, как я обещала. Спускаясь в лодку, он ни на кого не глядел, и только священник с последней ступеньки перекрестил корабль широким крестом, то ли благословляя, то ли отгоняя. Лодка пошла вдоль мангров к выходу из бухты, и вёсла вспыхивали на солнце при каждом взмахе.

Оставшихся было двадцать один, считая раненого с моим ремнём на бедре. Мартин передал штырь старику-лекарю, поднялся во весь рост и начал отдавать распоряжения, не спрашивая у меня позволения. Мёртвых сносили к борту и накрывали парусиной, палубу окатывали водой из вёдер, кто-то уже лез по верёвочным лестницам наверх. Я в этом ничего не понимала и не мешала. Корабль у меня был ровно в том смысле, в каком у заложника есть захватчик: формально мы вместе, но управляет кто-то один, и это не я.

Руки я отмыла в ведре с морской водой и встала у борта. День шёл к вечеру. Свет сделался жёлтым и густым, мангры почернели, и над водой потянуло первой за весь день прохладой. С холмов слетелись попугаи и расселись на том самом дереве, с которого я свалилась. Отсюда, снизу, оно выглядело огромным, и ветка над кормой до сих пор покачивалась.

Мартин подошёл и встал рядом. Голова моя приходилась ему чуть выше локтя.

— Какой сегодня день, Мартин? — спросила я. — Я сбилась со счёта.

— Среда, сеньора. Третий день после святого Иакова.

— А год?

Он повернулся и оглядел меня заново: брюки, ботинки, часы на запястье. Вопрос ему не понравился, но ответил он честно и осторожно.

— Восемьдесят третий. Тысяча шестьсот.

Я взялась за перила обеими руками. Дерево было тёплое и шершавое, вполне настоящее. До города, где я родилась, оставалось больше двухсот лет, и на его месте сейчас стояли такие же мангры. Холлис, Рурк, мой бывший муж и оценщик Прайс ещё не появились на свет, как и их прадеды. Думать об этом всерьёз я себе запретила, потому что такие мысли хороши на берегу и при запертой двери, а у меня был корабль, двадцать один человек и ни одного плана.

— Парус! — закричали сверху тонким мальчишеским голосом. — За мысом парус, сеньор боцман!

Мартин приложил ладонь к глазам и долго глядел в проход между мысами, где море уже наливалось вечерней синевой. Я тоже увидела: высокая белая пирамида над рифом, слишком большая для рыжего и его вёсел.

— Фрегат, — сказал Мартин. — Испанец, из тех, что стерегут берег. Идёт сюда.

Лодка с доном как раз вышла из бухты и шла на вёслах ему навстречу.

Глава 3. Первый манёвр

Двадцать человек бросили работу и повернулись ко мне. Ведро с водой осталось стоять посреди

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.